Перечитывая Каверина

(К 60-летию со дня рождения писателя)

Вспомните, как впервые в жизни вы читали «Исполнение желаний» или «Два капитана». Разве не несло вас с бешеной скоростью вперед стремление как можно скорее узнать: «Что дальше?», «Чем кончится?», куда увлечет прихотливая судьба полюбившихся вам героев? Каверин — мастер острого, захватывающего сюжета. Но у его книг есть еще одно, особое свойство. К ним хочется возвращаться. Более того, перечитывать их заново, снова и снова безотчетно погружаться в атмосферу той жизни, которая в них воссоздана, раскрывать их на любой странице и всякий раз с тою же свежестью восприятия переживать все, что однажды вам уже довелось испытать,— доставляет вам ничуть не меньшее, а часто гораздо большее наслаждение, нежели читать их впервые.

Склонность Каверина к запутанной и сложной сюжетной интриге частенько обманывала не слишком проницательных критиков. Вот, например, что писал один из них о «Двух капитанах», безусловно, самом известном произведении этого писателя: «Как и полагается приключенческому жанру, здесь многое было условно: ...герой «без страха и упрека», вместилище всех великолепных добродетелей, и два постоянных «злодея», преследующих героя всю жизнь, борьба с которыми составляет основной конфликт в книге... Условно — не значит плохо. «Таинственный остров» и «Три мушкетера» — великолепные книги, блестящая, увлекательная игра ума и фантазии... Но вряд ли плодотворно изучать человеческое сердце по Жюлю Верну или историю по Дюма... Книга Каверина следовала традициям этой условной литературы и в своем жанре казалась умело сделанной...»

Казалось бы, довольно убедительно. Но читатель решил иначе. Он почему-то не склонен был отнестись к Сане Григорьеву, герою каверинских «Двух капитанов», как к условному «вместилищу всех добродетелей». Он решительно принял его за живого, реально существовавшего человека, выведенного в романе под своей собственной фамилией. Уверенность читателей в этом была настолько непоколебима, что в дни ленинградской блокады, поздней осенью 1941 года, Ленинградский радиокомитет обратился к Каверину с просьбой выступить от имени Сани Григорьева с обращением к комсомольцам Балтики. Писатель возразил было, что, хотя в лице Сани Григорьева выведен определенный человек, это все-таки литературный герой.

— Ну, что ж,— ответили ему.— пишите так, как будто фамилию вашего литературного героя можно найти в телефонной книге Ленинграда. Вот вам и ваш герой.

Внутренняя борьба неотъемлемо присуща каверинским героям. Вспомните, с какой страстностью, с какой неистовостью, с какой одержимостью ищет Саня Григорьев свою Ольгу, ищет, не ведая, что ее уже нет в живых, ищет, не ведая, что ее, прекрасную, уже нет в живых. Но пессимист способен стать пленным социальным критиком, когда он с горечью клеймит разложение и жестокость общества, которое возвеличивает собственность и унижает человека. Такой конфликт между настроением пассивного отчаяния и большими отвлеченными силу последнему романа необычайную силу пленительного чтения приходит Ту. Старшина «Поймали этот лом», хотя и делает его кряжне залитанным.

Внутренняя борьба неотъемлемо присуща каверинским героям. Вспомните, как впервые в жизни вы читали «Исполнение желаний» или «Два капитана». Разве не несло вас с бешеной скоростью вперед стремление как можно скорее узнать: «Что дальше?», «Чем кончится?», куда увлечет прихотливая судьба полюбившихся вам героев? Каверин — мастер острого, захватывающего сюжета. Но у его книг есть еще одно, особое свойство. К ним хочется возвращаться. Более того, перечитывать их заново, снова и снова безотчетно погружаться в атмосферу той жизни, которая в них воссоздана, раскрывать их на любой странице и всякий раз с тою же свежестью восприятия переживать все, что однажды вам уже довелось испытать,— доставляет вам ничуть не меньшее, а часто гораздо большее наслаждение, нежели читать их впервые.

Склонность Каверина к запутанной и сложной сюжетной интриге частенько обманывала не слишком проницательных критиков. Вот, например, что писал один из них о «Двух капитанах», безусловно, самом известном произведении этого писателя: «Как и полагается приключенческому жанру, здесь многое было условно: ...герой «без страха и упрека», вместилище всех великолепных добродетелей, и два постоянных «злодея», преследующих героя всю жизнь, борьба с которыми составляет основной конфликт в книге... Условно — не значит плохо. «Таинственный остров» и «Три мушкетера» — великолепные книги, блестящая, увлекательная игра ума и фантазии... Но вряд ли плодотворно изучать человеческое сердце по Жюлю Верну или историю по Дюма... Книга Каверина следовала традициям этой условной литературы и в своем жанре казалась умело сделанной...»

Казалось бы, довольно убедительно. Но читатель решил иначе. Он почему-то не склонен был отнестись к Сане Григорьеву, герою каверинских «Двух капитанов», как к условному «вместилищу всех добродетелей». Он решительно принял его за живого, реально существовавшего человека, выведенного в романе под своей собственной фамилией. Уверенность читателей в этом была настолько непоколебима, что в дни ленинградской блокады, поздней осенью 1941 года, Ленинградский радиокомитет обратился к Каверину с просьбой выступить от имени Сани Григорьева с обращением к комсомольцам Балтики. Писатель возразил было, что, хотя в лице Сани Григорьева выведен определенный человек, это все-таки литературный герой.

— Ну, что ж,— ответили ему.— пишите так, как будто фамилию вашего литературного героя можно найти в телефонной книге Ленинграда. Вот вам и ваш герой